

Баллада об атлантах

Олег Белоус

Олег Белоус

Баллада об атлантах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370785

SelfPub; 2024

Аннотация

Атлантида... от одного этого слова веет седой древностью и приключениями. Сладковато-горький, ни на что не похожий воздух молодого Марса, вливался в легкие. Стремительно наплывали и уносились вдаль рощи кактусообразных деревьев, вздымавших в бирюзовое небо иголки на высоту сотни а то и более метров; заросшие багрового оттенка травой пустоши, густо расчерченные живительной синевой каналов; мелкие и теплые моря, занимавшие не менее трети планеты, неустанно бросали белопенный прибой о берег, ветер качал и гнал в порт парусные корабли, похожие на греческие триремы; человек зависал над многолюдными городами, полными атлантов, машин наземных и летающих, зданий диковинной формы – пирамидоидальных, высотой 20-30 этажей, чем то неуловимым напомнивших землянину одновременно и древнегреческую и египетскую архитектуру.

Олег Белоус

Баллада об атлантах

Была глубокая ночь, когда топтер с Дэном завис в полуметре над покачивающейся на волнах посадочной площадкой яхты – экраноплана "Sello de rosa". Двадцать четвертый век и джамперы сократили земные расстояния до минимума. Машина приземлилась, замолчала, с пляжной сумкой в руках спрыгнул на палубу.

Звезды ледяными брызгами застыли на угольно-черном небе с узким серпом новорожденной луны. На экваторе звезды сияли чисто и ровно. На палубе никого: резкие тени двух корпусов корабля вырезали на палубы две угольные полосы; блестели иллюминаторы центральной постройки, между корпусами. В одном из них, где проживал профессор, горел свет.

Постучал в дверь, и услышав голос профессора, Дэн зашел в каюту, совершенно стандартную для яхты, но для неизбалованного человека из двадцатого века, роскошную и, поставил баул на пол.

Жан-Жак-Мари Жомени, с видом возбужденным и каким-то яростно-веселым, сидел в плетеном кресле у открытого иллюминатора. На откидном столике перед ним лежала тарелка со ярко-алой, крупной клубникой, в капельках влаги. Рядом темная, паутинистая бутылка, уже открытая и

пузатый бокал. Дэн удивленно покосился на блюдечко. Профессор слыл отчаянным гурманом, но такой пир посреди океана, что, несомненно, связано с весьма недешевой доставкой, говорил о чем-то незаурядном,

– Добрый вечер профессор, я вернулся. Как и говорил я отсутствовал недолго! Вижу тут пир на весь мир, с чего это?

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогой вы мой Даниэль Геннадьевич!

Жомени бросил в рот сочную ягоду, вскочил с кресла, с торжествующей улыбкой, словно вихрь пронесся по каюте от одной стены к другой. Длинный, сухопарый, словно гвоздь, нескладный. Остановился напротив Дэна, так близко, что тому невольно пришлось податься назад. Лицо его выражало непередаваемое блаженство.

– Я воистину гений, – произнес восторженно и нацелил указательный палец, сухой и острый, словно шило, в собеседника, – Никогда не думал и даже не мечтал, что стану творцом величайшего открытия эпохи!

– Кто бы сомневался, – проворчал Дэн и спросил разрешения присесть, что ему немедленно разрешили, – А что произошло, профессор? Хотелось бы узнать из первоисточника.

– Я, наконец, закончил расшифровку надписи древних марсиан и, – продолжив забег по каюте быстрым, пружинистым шагом, ответил Жомени, по пути цапнув из тарелки горсть ягод, – теперь я абсолютно уверен, что то, что они спрятали, находится прямо под нами! Это переворот в на-

учных представлениях о марсианах и их связях с Землей! Настоящий переворот! – от избытка чувств профессор даже топнул ногой, словно указывая направление поисков, на миг прервав стремительный забег по каюте, – А этот профессор Сидоров утверждал, что между людьми и марсианами нет никакой преемственности! Представляю его лицо, когда я опубликую свою монографию! – профессор злорадно хохотнул.

– Все это прекрасно, профессор, но у меня есть плохая новость. Служба безопасности сняла с вас охрану и как-либо помешать...

– Ах оставьте, – пренебрежительно махнул рукой профессор и плюхнулся в кресло, – Это право такие мелочи! Я все знаю – ваши коллеги еще утром покинули корабль.

Глаза Дэна настороженно сузились.

– Покинули? И вы с таким безразличием говорите об этом? – спросил с немалым раздражением.

Профессор взглянул с удивлением.

– Месье, вы что, не понимаете, что присутствуете при величайшем археологическом открытии нашего века! Это нужно отметить! Обязательно отметить! – Жомени, вытащил из встроенного шкафа еще один бокала, вернулся к столику. Плеснул в бокалы понемногу из бутылки. По каюте поплыл тонкий аромат дорогого коньяка.

Дэн открыл было рот – хотел съязвить, но в последний момент передумал. Профессор – неисправим. В любом

случае игра, похоже, подошла к эндшпилю (заключительная часть шахматной или шашечной партии).

– Прозит, – он вздохнул, встал и поднял бокал.

Профессор поморщился.

– Ах оставьте эти наши западные обычаи. Что значит "прозит"? Прозит – передразнил гнусавым голосом, – Мне гораздо больше по душе ваши славянские тосты. Тост – это некое сакральное пожелание. Это красиво, черт возьми! А с нашим безликими "прозит", потребление спиртных напитков превращается в обыкновенную пьянку! Вы же знаете тосты, я знаю, ну! Профессор Жан-Жак-Мари Жомени вас просит!

– Ну, за ваше эпохальное открытие, профессор!

– Вот так уже гораздо лучше! – профессор поднял палец к небу.

Они выпили, взгляд Дэна, поверх бокала, не отрывался от сияющего лица профессора. Коньяк был неплох, очень даже неплох. Впрочем, у профессора ширпотреб и не могло быть...

Утром, сразу после завтрака, профессор в сопровождении кучки ассистентов и Дэна неспешной походкой вышел на палубу. Представшая взглядам картина, впечатляла: до горизонта синее море, свежий ветер играл бурунами, которые словно седые вихры покрывали безбрежный голубой простор и, ни единого клочка земли вокруг.

Манипулятор подцепил многотонную тушу универсаль-

ного разведчика глубоководного "УРГ-24-200", приподнял над палубой. Хищными обводами аппарат походил на акулу, только гигантскую, десятиметровую и такую же стремительную. Над самой водой отпустил, металлокерамическая туша вонзилась в море почти без брызг, мягко закачалась на волне. Парадоксально, но факт. Человечество колонизировало полтора десятка планет и всю хозяйничало в Рукаве Ориона, но подводный мир за пределами хорошо изученных и освоенных шельфов остался почти такой же загадкой, как и в докосмическую эру. В царстве огромных давлений и вечной тьмы человеку делать было нечего.

– Ну что же, – произнес профессор, складывая привыкшие к клавишам консолей мягкие ладони перед грудью в почти молитвенном жесте, сощурился в азарте искателя сокровищ, – Вы знаете, волнуюсь, словно мальчишка.

– Профессор, вам ли волноваться после марсианских открытий? – с легкой насмешкой спросил Дэн.

– Месье, вы не понимаете! – профессор посмотрел на Дэна взглядом от которого тот почувствовал себя словно перед строгим экзаменатором в институте службы безопасности Новороссийской федерации, – Я уверен что то, что мы ищем, перевернет мир! Но... за дело, месье, пройдемте в рубку. Приступим к погружению! Я весь пылаю от нетерпения!

В рубке один из ассистентов профессора, откликнувшийся на имя Жак – кудрявый, чернокожий мужчина с коричневыми

ми глазами немного навыват, одел на лоб обруч мысленного управления глубоководным разведчиком. В тот же миг перед рассевшимися в кресла людьми "протаяла" одна из стен. Камеры, укрепленные на "УРГ-24-200", показывали краешек неба и, конечно море. Вода темно-синяя, почти фиолетовая. В глубине виднелись красноватые переливы планктона и причудливый отсвет солнечных лучей. На поверхности плавали пучки желтых, выгоревших на солнце саргассовых водорослей. С края квадрат с виртуальными датчиками.

– Поехали, – произнес негр весело-возбужденно и, в единый миг на экране осталась только вода. Потемнело. Попахнуло два узких луча прожектора, расширились, превратившись в световые веера. Яркие стайки разноцветных рыб метнулись в стороны, исчезли в стремительно сгущавшейся тьме.

Аппарат скользил вниз над черной бездной словно с горки, погружаясь все глубже и глубже и у Дэна закружилась голова от такого визуального эффекта.

– У-у-ух- ты! – выдохнул, бросая взгляд на показания глубокомера – стометровую отметку аппарат уже миновал и продолжал наращивать скорость.

Жак оглянулся назад на профессора, спросил возбужденным голосом:

– Скорость прибавить?

Жомени кивнул, в глазах у него посверкивали искры нешуточного азарта.

Показания глубины, сбоку на экране замелькали быстрее. Включился сонар – по-иному в этом царстве смерти и молчания не сориентируешься. Везде пусто, как и полагается в глубоководной бездне, только изредка мелькали красные, зеленые, желтые треки светящихся глубоководных существ.

Так прошел десяток минут. Аппарат опустился на полторы тысячи метров, и затормозил у дна. В свете прожекторов клубилась легкая муть от поднявшихся донных отложений. Сверившись с координатами, переданными профессором, Жак кивнул – все точно и, включил водяную пушку. Струя под давлением ударила в дно, все заволокло тучами мути.

Еще через пятнадцать минут, во время которых профессор, не в силах сдержать нетерпеливое волнение, нарезал круги по тесной рубке, сонар обнаружил некий металлический предмет на дне вырытого в донных отложениях колодца. Аппарат выдвинул гибкие манипуляторы, подхватившие находку, она исчезла в раскрывшемся впереди, там, где у настоящей акулы пасть, грузовом отсеке.

"УРГ-24-200" отправился назад.

Еще через десяток минут, когда всплывшего на поверхность глубоководного разведчика подняли, у лееров вдоль борта столпились не только ученые, но и весь немногочисленный экипаж корабля, на вахте в рубке остался только дежурный командир. В том, что это находка века, уже не сомневался никто.

– Ну, откроет кто-нибудь грузовой отсек или нет? – лениво поинтересовался Дэн, хотя в глазах у него посверкивали искры разгорающегося азарта.

Когда лепестки диафрагмы на носу "УРГ-24-200" дрогнули и медленно, беззвучно раскрылись, профессор испытал сложное чувство. Нечто вроде торжества, оттого что сумел, разгадал загаданную двести тысяч лет тому назад головоломку. После промелькнуло даже что-то похожее на досаду – разгаданная загадка уже не манит неизвестностью. А на Дэна нахлынуло ощущение опасности, такое же сильное, как вчера перед дверью собственной квартиры. Он едва не шагнул вперед, словно давным-давно погибшие марсиане представляли опасность.

Внутри лежал хорошо сохранившийся куб из желтоватого материала, с гранями сантиметров по тридцать. Хорошо знакомый цвет, лаская взор, наводил на мысль о золоте. Профессор пробился сквозь плотную толпу, с возмущенным видом оглянулся на людей и поднял куб. Руки дрогнули то ли от тяжести, то ли от волнения.

– Тяжелый! – сообщил он и потряхнул куб, – И внутри что-то есть!

Перехватив находку поудобнее, решительным шагом направился в рубку.

Ключа, к сожалению, не было, поэтому Дэн принес лазерный резак и самым варварским образом вскрыл находку. Внутри лежал непонятный предмет из бледно-желтого ме-

талла: обод сантиметров двадцать в диаметре, оплетенный толстой проволокой в виде короны.

Профессор схватил добычу, завертел в руках, жадно разглядывая артефакт далеких времен.

– Вот он Учитель! Ему больше двухсот тысяч лет! – произнес с благоговением, лицо у него горело, словно от мороза. Оглянулся на помощников, – Ну и как его активировать?

Ответом было молчание.

Спустя мгновение профессор почти задохнулся от восторга – на внутренней поверхности он увидел выдавленные иероглифы.

– Так-так, – это будет... – профессор пошевелил губами, словно проговаривая мысленно результат, – надень меня.

Оглянулся на восторженно смотрящее на него окружение и, немного помедлив, осторожно водрузил обруч на лысеющую копну волос.

Корабль, да и сам мир в единый миг исчезли, словно повернули выключатель. Только что Дэн с профессором в рубке рассматривали подводную добычу – и вот он висит в черной пустоте, пронизанной мириадами злых искорок звезд. Внизу в слабой дымке атмосферы, гигантская, зелено-синяя планета. "Я в космическом пространстве без всякой защиты". Перенос был так неожиданен, что на миг ужас накрыл с головой. Мгновенный спазм перехватил горло. В вакууме человек способен сохранить сознание 9-11 секунд. Следом

паралич, судороги мышц, в мягких тканях тела образуется пар, оно страшно распухает и примерно через полторы минуты человек погибает от остановки сердца.

Он закричал, но не смог зачерпнуть и глотка воздуха. Глупое тело, не желавшее погибать, забилося в конвульсиях, но секунды шли, а он не ощущал ни удушья, ни адского холода вакуума. То ли от понимания этого, то ли просто потому, что первый, самый сильный шок прошел, но паника отступила и вслед за этим пришло понимание того, что он не в космосе. Что перед ним морок, ложь. Он сжал зубы. Недавно испытанный ужас остались позади. С ним думают шутить? Ну-ну... Теперь настала моя очередь внушать ужас.

– Приветствую тебя, разумный, не опасайся ничего, все что ты сейчас видишь, это иллюзия, а твое тело осталось на старом месте, – услышал голос, самый обычный и равнодушный до бесполости.

Дэн шевельнулся. Ну наконец-то закончились дурацкие игры. Значит стоит понять правила игры. А в любой игре есть игроки и те, кем играют, последним он становится категорически не желал.

– Воспитанные разумные сначала представляются, – сказал в темноту.

– Когда-то, сто тысяч оборотов прекрасной Эсмиель тому назад, мои создатели назвали меня искусственный интеллект номер 228/ 15, – прошелестел все тот же бесполоый голос.

– И что значит этот спектакль? – произнес Дэн, – зачем

ты перенес меня в иллюзию. И что это за планета внизу?

Планета, занимавшая почти треть обзора, была прекрасна. Размытая линия терминатора делила выпуклый диск, на два совершенно непохожих пространства. Слева ночная половина с хаотично разбросанными теплыми искорками городов. По освещенной солнцем стороне густо плыли белые стайки облаков, а где они расходились, проглядывала чистая синь океана или желтизна суши с вкраплениями темно-зеленых пятен лесов. Вот только очертания континентов совсем не походили на земные.

– Моя миссия, – прошелестел голос, – познакомить тебя с печальной историей моих создателей, а внизу четвертая планета Солнечной системы, какой она была в эпоху расцвета.

Дэн с недоумением поглядел вниз. Четвертая планета Солнечной системы – Марс. Но внизу ничего похожего на безжизненный красный шар, только начавший усилиями человечества оживать. Синий – цвет воды, белый – цвет облаков и зеленый – цвет растительности, без слов говорили, что планета богата водой и кишит жизнью.

– Марс? – осторожно произнес Дэн.

– Вы знаете планету моих создателей: Эсмиель, под этим названием. Ты готов выслушать их историю?

– Да.

– Так внимай же печальной повести про могучий народ атлантов. Наша цивилизация зародилась на Эсмиель более 310 тысяч лет тому назад. В те времена планета была обильна

водой и жизнью.

Картинка перед Дэном в один миг изменилась. Теперь он летел на высоте пары сотен метров над поверхностью планеты. Сладковато-горький, ни на что не похожий воздух молодого Марса, вливался в легкие. Стремительно наплывали и уносились вдаль рощи кактусообразных деревьев, вздымавших в бирюзовое небо иголки на высоту сотни а то и более метров; заросшие багрового оттенка травой пустоши, густо расчерченные живительной синевой каналов; мелкие и теплые моря, занимавшие не менее трети планеты, неустанно бросали белопенный прибой о берег, ветер качал и гнал в порт парусные корабли, похожие на греческие триремы; человек зависал над многолюдными городами, полными атлантов, машин наземных и летающих, зданий диковинной формы – пирамидоидальных, высотой 20-30 этажей, чем то неуловимым напомнивших землянину одновременно и древнегреческую и египетскую архитектуру. Хорошо продуманная система колодцев и световых окон доставляла свет и свежий воздух до самых дальних уголков зданий. Дэн увидел вблизи аборигенов планеты, очень напоминавших людей, внешние отличия были в росте: 2,5-3 метра и очень широкой грудной клетке.

– Цивилизация Эсмиель процветала. Атланты проникли в тайну атомной энергии, строили межпланетные корабли, – прошелестел бесполой голос, – Дэн увидел взлетающий в море пламени тонкий "карандаш" ракеты, – Это дало воз-

возможность приступить к колонизации Земли – второй планеты Солнечной системы, породившей жизнь, – а незадолго до Великой Гибели гениальный физик Ураникус изобрел способ свертывания пространства перед космическим кораблем, что позволило выйти на просторы Галактики. Но золотой век длился недолго. Астероид, массой в несколько миллионов тонн летящий по орбите, грозящей неминуемым столкновением с Эсмиель, обнаружили, когда до катастрофы осталось несколько дней.

Землянин увидел летящую в усыпанном равнодушными звездами космосе бесформенную "картофелину" астероида. Внезапно на его поверхности расцвели невысказанно яркие вспышки. Дэн сморгнул, а на месте монолита астероида прежним маршрутом летели несколько каменных глыб, – Попытка уничтожить астероид провалилась, – произнес компьютер и впервые Дэну показалось, что в голосе мелькнули эмоции. Космические корабли подняли на орбиту немногим больше тысячи счастливицев, остальные спрятались в подземных сооружениях или ожидали неизбежного, положившись на волю богов, в храмах.

Человек снова очутился на орбите планеты.

– Прошло шесть суток с момента обнаружения астероида, – прошептал искусственный интеллект.

Дэн увидел, как несколько десятков посланцев космоса огненными стрелами прочертили синеву небес и вонзились, пробив толстую кору, в планету.

За считанные секунды черно-серыми копьями, вбитыми в тело несчастной жертвы, поднялись на высоту более 50 километров титанические "башни" из дыма и вулканического пепла. Он увидел, как планета затряслась в приступе Паркинсона невиданной мощи – 10-12 балльных землетрясениях. Рушились, складывались, словно фанерные, пережившие века жилые пирамиды, погребая под каменными обломками десятки миллионов атлантов.

Но самое страшное было не в этом. Гравитация на Марсе невелика – сорок процентов от земной, а первая космическая скорость, позволяющая выйти на орбиту всего 3,55 км/с. Одновременный удар по планете множества каменных глыб выбросил в космос гигантские объемы атмосферы, давление на поверхности в единый миг уменьшилось в сто раз. Никто не ожидал таких последствий астероидной бомбардировки и в первые несколько минут Великой Гибели задохнулись сотни миллионов и погибла большая часть биосферы планеты, уцелела мизерная часть населения, укрывшаяся в немногочисленных убежищах с запасами воздуха.

В сейсмически активных зонах пробудились десятки вулканов, заплевались огненной лавой, подняли в сумрачное небо адски-черные хвосты, добавив в остатки атмосферы новые миллионы тонн пепла и пыли.

Часть осколков вонзилась в мелкие марсианские моря, выплеснув в небеса воду. К далеким берегам островов и континентов со скоростью курьерского поезда помчались тита-

нической высоты цунами. Через несколько часов на побережья с низким гулом нахлынула вздымающаяся в небо волна, смыв развалины прибрежных городов и оставив после себя чудовищную мешанину из строительных обломков, миллионов трупов животных и атлантов и, искореженных остатков автомобилей и пушпаков (летательные реактивные аппараты с возможностью винтокрылого полета)

К концу первого дня Великой Гибели толстое покрывало грязно-серых туч пепла плотно закрыло небо, на несколько столетий закрыв поверхность от солнца. Наступивший мрак принес резкое похолодание, и с каждым днем температура падала все ниже. Первыми превратились в лед небольшие озера и реки, экваториальные моря, аккумулировавшие огромные запасы тепла, сопротивлялись морозу почти год. Из-за того, что толстый слой атмосферы, словно одеялом прикрывавший жизнь от космических лучей, исчез, радиация выжгла все, что уцелело после землетрясений и потери атмосферы. По Марсу загуляли чудовищной силы ветры. Словно наждаком обдирали поверхность, засыпали пеплом и песком заросшие багровой травой пустоши, они выли, стонали между мертвыми деревьями – кактусами, словно оплакивая погибшую жизнь. Высшие формы с поверхности полностью исчезли, лишь в глубинах планеты и у подземных источников тепла сохранились простейшие. Марс стремительно превращался в ту безжизненную, усыпанную осколками камней пустыню цвета крови, какой ее знал человек Земли.

Через семь дней после катастрофы, когда планета перестала дрожать в пароксизме марсотрясений, в жиденькую атмосферу вошло девять шаттлов, через час над уцелевшими космодромами планеты послышался грозный рев тормозных двигателей. Целью экспедиции было выяснить масштабы разрушений и спасти уцелевших. На орбите их ждали на скорую руку сооруженные орбитальными заводами герметичные жилые отсеки на несколько тысяч атлантов. Когда экипажи и добровольцы-спасатели вышли наружу, они не узнали планету. Под толстым слоем грязно-серых туч царил полумрак и мороз. Лишь кое-где на горизонте сверкал раскаленной магмой, выбрасываемой в атмосферу на огромные расстояния, вулканы. И смерть везде. Трупы животных и атлантов: и под обломками некогда величественных городов и под погибшими, изломанными деревьями. Вначале это шокировало, предлагали достойно похоронить погибших, но как это сделать, когда на поверхности и в заваленных убежищах сотни миллионов тел?

Спасатели, пытаясь найти уцелевших в убежищах атлантов, трудились самоотверженно, не считаясь с временем и собственными силами, по 14-15 часов в сутки, но выживших было мало. Страшно мало. Особенно впечатлил членов спасательной экспедиции случай, произошедший в конце второй десятидневки.

Из громового копья Оземона вырвалась ослепительно-яркая молния, ударила в центр гранитной плиты, закры-

вавшую вход в небольшое убежище. С раскатистым грохотом плита рассыпалась щебнем и песком, а атлант устало вздохнул и опустил оружие, уперся тупым концом копья о мертвую землю. Скорее всего внутри он встретит только трупы, но пока существует надежда на чудо, он будет работать! Несколько минут наблюдал как механические слуги разгребают остатки плиты в стороны. Под светом фонаря, горевшего в прозрачном пузыре, изолирующем вход от ставшего ядовитым воздуха Эсмиель, сверкнул металл двери. Оземон поднес к ней наконечник копья, электрическая дуга вгрызлась в толстый металл, прогрызая, проплавливая. Еще через полчаса атлант переступил порог. Мертвящую тишину, какая не бывает в здании, где есть живые, нарушали только тихие шаги Оземоны; мигающий красный свет аварийного освещения на миг выхватывал из чернильной тьмы раскрытые двери отсеков и следы поспешного бегства: опрокинутая на пол трехногая табуретка, забытая сумка... разбитая бутылка в луже темной жидкости и никого. Атланты нашлись в самом дальнем помещении. Сразу за открытой дверью он увидел ужасную картину. На каменном полу на спине, с открытыми мертвыми глазами, лежала молодая атлантика с чрезвычайно красивыми, несмотря на предсмертную судорогу, чертами лица. Из груди, немного ниже сердца, торчал окровавленный кинжал. Возле бесстыдно оголенных ног лежал неопрятный кулек, размером в пол ляра (атлантская единица длины, приблизительно равная метру). Оземон на-

клонился над молодой женщиной, горькая усмешка скользнула по тонким губам. И здесь опоздали. Лицо его помертвело.

Тишина взорвалась жалобным, охрипшим младенческим плачем и, в первый миг, замерший в нелепой позе Оземон не поверил собственным ушам. Откуда здесь, в царстве смерти, может появиться младенец? Но детский крик продолжался, и он понял, что ему не кажется. Звук исходил из того самого неопрятного кулька, на который он вначале не обратил внимания. "Неужели? Не может быть!" Руки Оземона затряслись, словно в лихорадке. Торопливо наклонился и поднял кулек, руки торопливо откинули материю. Младенец, худой, с синюшным цветом лица, но главное – живой! Как? Как он смог выжить? И кто убил мать? – бились мысли, пока, кусая губы пытаюсь не разреветься, смотрел на долгожданную находку.

Оземон развернул материю – осмотреть ребенка. В пленке лежал исписанный изящным женским почерком лист.

"Быть может там написано, что за трагедия здесь произошла?" Лихорадочным движением атлант схватил послание, под аккомпанемент детского плача взгляд запрыгал по строкам.

"Ее зовут Меллисея. Когда воздух подошел к концу, я решила, что двоим нам не дожидаться спасения. Я сознаю, что нарушаю божественные законы, но моя девочка должна выжить. Я верю, вы спасете ее! Помолитесь за погубленную

душу грешницы Комбы".

Сердце у Оземона забилося так, что жилы запульсировали на шее. Буря чувств нарастала в нем – смешанных, противоречивых. Но единственное, что он знал точно, что пусть все боги проклянут несчастную мать, но он ее не осудит!

Колени мужчины коснулись пола, рука осторожно закрыла глаза.

– Покойся с миром мученица. Атланты будут знать о тебе, – произнес хрипло и склонил голову.

Он поднялся, осторожно завернув внезапно утихшего ребенка обратно в пеленки, напрямик направился на выход.

Еще через месяц, после того как последние надежды найтц уцелевших растаяли как весенний снег, шаттлы с полутора сотнями спасенных на борту: истощенных, на грани помешательства, так непохожих на всегда гордых и самодостаточных атлантов, стартовали на орбиту.

Прошло еще несколько суток и корабли эскадры выбросили языки атомного пламени. Атланты стартовали ко второму миру Солнечной системы, обладавшему жизнью: Повиколь, навсегда покинув погибшую планету.

Через десять дней корабли финишировали на орбите. На фоне черного, усыпанного разноцветными искорками звезд безмолвья, висела планета. Покров нежного зодиакального сияния одевал ее с затененной стороны, светясь в черноте космического пространства. Какова будет Повиколь к сынам другой планеты? Этого никто не знал, но атланты очень на-

деялись, что она станет второй матерью, а не мачехой.

В нижнем иллюминаторе шаттла показался остров, разлегшийся примерно на полпути между двух колоссальных размеров материков: западного, вытянувшегося от одного полюса до другого и восточного, гигантского, длинной кляксой пристроившегося в северном полушарии. И сам остров поражал размерами: в длину – более чем тысячи соляров (атлантская единица длины, приблизительно равная тысяче метров), а в ширину – триста соляров. На Повиколь длилась межледниковая, холодная эпоха, но из-за близости тропиков и смягчающего влияния океанских вод на острове господствовал влажный климат, лишь зимой температура опускалась до минуса и устанавливался устойчивый снежный покров. Такой климат походил на условия родной планеты пришельцев что стало одной из причин выбора места посадки и будущей колонии. Почти полсотни лет здесь работала исследовательская станция. Команда ученых – пятьдесят атлантов изучала девственный мир...

Первый корабль приземлился на просторной, заросшей буйной травой равнине в центре острова, укрытого от промозглых морских ветров невысоким горным хребтом. За ним еще несколько. Двигатели отшумели, и в отсеках наступила благословенная тишина.

Молодая лисица была очень любопытна и когда стих оглушительный рев ракетных двигателей, а дождь погасил вспыхнувший пожар, она, осторожно продираясь сквозь гу-

стые заросли, двинулась вверх по склону холма. Запах мокрых углей смешивался с пряным благоуханием вереска, чабреца и утесника и немного пугал, но не настолько чтобы обратить в бегство. Встретившийся по пути черно-желтый чибис издал пронзительное и жалобное "фиу-уит" и захромал, волоча одно крыло, в сторону, но лисица лишь проводила его взглядом. Она не была голодна, а где-то впереди была загадка. К тому же не глупой птице провести ее – обманывает, уводя от гнезда. Гребень приблизился, заросли начали редеть. Остановившись на краю, так чтобы ее не было видно, лисица огляделась и из горла вырвался едва слышный визг. Такого она еще никогда не видела.

Внизу, метрах в двадцати, мертво, неподвижно, стояла ужасная птица. Чем-то она напоминала жирную цаплю ростом с вековую секвойю, с печально опущенными крыльями, головой и хвостом. Только не из живой плоти – от нее пахло жженым и чем-то твердым, словно камень, так не могло пахнуть живое существо. Ее гладкая шкура пестрела от пятен опалины. Вдали, на краю впадины, по обе стороны от лисицы с большими промежутками замерли еще несколько таких птиц.

Несколько мгновений ничего не происходило и, лисица уже почти решила приблизиться и посмотреть на жуткую птицу вблизи, когда в ее брюхе открылось отверстие и в нем показалось существо, очень похожее на гориллу, в изобилии обитающую в горных лесах острова, но только гораздо круп-

нее и почти безволосое. Это зрелище оказалось слишком непонятным и поэтому опасным для лисицы. Еще раз едва слышно взвизгнув, она опрометью бросилась вниз к подножию холма.

Несколько тысяч атлантов оказались в девственном, молодом мире. Им предстояло заново отстроить цивилизацию или погибнуть. Первые годы на новой планете прошли тяжело: сила тяжести в два с половиной раза больше, чем на родной планете и колонистам приходилось принимать препараты, позволявшие переносить повышенную гравитацию. Но даже это не могло уберечь тонкокостных пришельцев от многочисленных переломов, ставших для атлантов настоящим бичом. К тому же состав атмосферы отличался от привычного что предопределило проблемы пришельцев с легкими. Но главный "сюрприз" планета преподнесла на второй год, когда на берегу моря вырос город Посейдонис, а местные, окультуренные атлантами растения: виноград и картофель, овощи, дали устойчивые, с каждым годом растущие урожаи. К собственному ужасу, врачи обнаружили что из-за повышенной гравитации только каждый десятый зачатый атланткой плод выживал. словно планета не хотела давать шанс чуждым ей существам.

Для выживания цивилизации катастрофически не хватало рабочих рук, но атланты решили эту проблему. На юго-восток, где среди океанских вод притаился один из материков, отправилась экспедиция из десятка больших кораблей

на электрическом ходу, собранных из привезенных с погибшей Родины комплектов. Через два месяца она вернулась с полными пленников трюмами: тысячами мужчин, женщин и детей местной, находящейся на уровне каменного века, примитивной расы. Сергей увидел двух обнаженных существ разных полов, несомненно, принадлежащих к человеческому роду, невысоких, не выше полутора метров в высоту, грубые лица, низкий, "обезьяний" лоб выступающие надглазничные валики и скошенный подбородок однозначно говорили, что они не принадлежали к современному виду людей. Лаской, а иногда и силой, атланты приучили их выполнять несложные, не требующие высокой квалификации работы – большего не позволял примитивный интеллект этих существ, так была решена проблема с нехваткой рабочих рук. Под палящим солнцем примитивные люди, атланты называли их цахел, с корзинами за плечами, собирали с кустов простирающихся до горизонта полей с виноградом напоенные солнцем кисти. А вот они же, с лопатами и метлами в руках убирают мусор с широких каменных улиц между характерных для атлантов пирамидальных зданий.

Неугомонные ученые атлантов на этом не успокоились. Генные хирурги вмешались в самое сокровенное, в гены аборигенов, внедрив в них атлантские. Перед землянином появился человек высокого роста – до метра девяноста и развитым, не хуже, чем у атлантов, интеллектом и внешностью, не отличающейся от современных людей. Это кроманьонцы –

прямые предки современных людей, с пробежавшим по спине каким-то сладким холодком подумал Сергей. Разумные существа, названные истинными людьми, стали настоящими помощниками пришельцев. Они были столь физически близки сынам Эсмиель, что ложились на ложе дочерей и сыновей народа атлантов и от этого союза родилась смешенная раса полуатлантов, объединяющая холодный интеллект сыновей Эсмиель с эмоциональностью порожденных Повиколь. И самое главное – новая раса была родной для планеты и лона ее дочерей не были бесплодными, как у атлантских женщин.

Прошло три столетия. Маленький отросток цивилизации Эсмиель на острове, названном страна Атлантов или Атлантида, прижился на чужой планете и процветал. О блистательном Посейдонисе, о его дворцах и храмах с крышами из золота и серебра, о беззаботной жизни атлантов и подвластных им людей, которым не приходилось ежедневно бороться с холодом и голодом, шептались у костров человеческих стоянок в самых дальних уголках мира. Неплохо стало и с демографией. Несмотря на немалые трудности приспособления к чуждой планете, количество чистокровных сыновей и дочерей Эсмиель достигло тридцати тысяч. Они стали высшей кастой общества, из их числа избирали девять царей, правивших до самой смерти, а жили атланты долго, два с половиной-три века. Они же назначались управленцами фабрик и сельскохозяйственных поместий, военными начальниками и

учеными. Ступенькой ниже стояли полуатланты. Еще ниже истинные люди. Их уделом была работа на фабриках и заводах, служба в армии. Большая часть их – двести тысяч, жила на острове и лишь немногие обитали в разбросанных в диких местах планеты форпостах цивилизованной жизни. Экспедиции на западный материк: Родину цахел, давно прекратились, но благодаря естественному приросту их общее число на острове приближалось к двум миллионам. После двух столетий развития цивилизация атлантов вновь начала строить и использовать законсервированные на орбите межзвездные корабли. Удивительные открытия, необычайные товары и вещи ждали атлантов и их помощников у других звезд и оттуда же пришел враг, сокрушивший казавшуюся непобедимой Страну Атлантов...

"Аркирья Эсмиель", что в переводе с атлантского означало "Знамя Марса" с опущенными парусами и повисшими на реях матросами неспешно скользила на электрическом ходу по каналу, шириной в треть соляра, приближаясь к первой, сверкающей чистой медью стене великолепного Посейдониса. Еще дальше – вторая стена, оббитая оловом, над ней возвышались верхушки жилых пирамид, а в центре города испускала огнистое блистание отделанная орихалком (латунью) стена, отделяющая акрополь, где проживали высшие из атлантов. Седые от пены волны с глухим плеском били в скулу корабля, корпус вздрагивал и судорожно постанывал разболтанными шпангоутами.

Преодолев узость канала, корабль двинулся по портовой акватории. Порт переполнен кораблями от военных до торговых, доставлявших в столицу страны Атлантов товары со всех уголков цивилизованного и варварского мира. Одни судна разгружались, другие загружали. Глухой человеческий говор, оттенявший плеск волн и голоса морских птиц, причудливо вплетался в какофонию непонятных тресков, стуков, гулов и криков. Немногочисленные пассажиры в основном истинные люди и один полуатлант, возвышавшийся над толпой на две головы, столпились на носу корабля, возле задранного к небу стационарного громового копья, служившего главным аргументом в редких стычках с дикарями цахел, и, вцепившись в мокрые леера ограждения, глазели на приближающуюся гавань.

Путь с восточного континента, где Бомани, что в переводе с атлантского означало хитроумный, три года, три долгих года, служил сотником в маленьком форте на границе территории цивилизации и варваров- цахел, был долог и труден, но вот он и, наконец, дома. Весенний дождь стеной, капли воды стекали по лицу, по ложбинам возле носа, но он не замечал неудобств, он был счастлив. Он скоро увидит отца, управителя Посейдониса – Гратиона и обнимет старушку-мать.

Ударом грома зазвенела падающая в воду якорная цепь, моряки забросили на землю канаты, у которых засуетились портовые служители и, наконец, на бетон пристани упали сходни. Тотчас дорогу на берег заступил истинный человек

с громовым копьём в руках, весь такой лощёный, с изрядным брюшком, свисавшим над набедренной повязкой. Сразу видно – не видел пограничья, в окружении десятка низкорослых и полуголых цахел с копьями и металлическими щитами. Бомани, облокотясь о борт, с подозрением смотрел на них – отвык он от домашних, цивилизованных цахел. В тех местах, где он провел три долгих года, они каждое лето пробовали на прочность стены форта.

Человек поджал губы, поднял руку в останавливающем жесте и крикнул:

– Кто здесь Бомани?

– Ну я, – с ленцой отозвался с палубы гигант и скрестил мускулистые, развитые воинскими упражнениями руки на груди.

– Бомани, вы пойдете с нами! – сказал человек суровым, твердым голосом.

– А кто ты такой чтобы Бомани – сын благословенного богами атланта Гратиона подчинился тебе? – с ленцой сказал Бомани, – Кто ты такой, ничтожный потомок цахел?

Предводитель побагровел.

– Нет теперь управителя Посейдониса Гратиона! Советом царей он объявлен государственным преступником, а Посейдонисом теперь правит благословенный богами атлант Энкалаид. И он требует при вести тебя к нему во дворец! А я начальник его стражи и выполняю его волю! Ты подчинишься или осмелишься сопротивляться приказу благословенно-

го богами Энкелаида?

– Врешь шакал! – крикнул страшно гигант, руки опустились на леера, а в глазах сверкнуло бешенство, – Не могли цари отстранить Гратиона!

– Вот и задай сам вопрос правителю Посейдониса, почему Совет объявил Гратиона преступником! Или боишься?

– Придержи язык, когда разговариваешь со мной, потомок цахел! Мое копьё, – Бомани наклонился и поднял с мешка с немудреными солдатскими пожитками громовое копьё, – отняло больше жизней диких цахел чем ты видел цивилизованных. Или желаешь посостязаться со мной в искусстве владения оружием?

Человек на пристани нервно оглянулся на цахел позади. Отпрянули при виде гневного полуатланта – явно не защитники.

– Так что передать благословенному богами Энкелаиду? Что храбрейший из храбрейших Бомани испугался?

– Передай ему, толстяк, что я иду!

Громовое копьё отправилось на одно плечо, мешок с пожитками на другое. Гигант легко сбежал по сходням, остановился перед невольно отступившим на шаг посланцем Энкелаида.

– Ну? Веди меня посланец, – полуатлант последнее слово выделил голосом и саркастически улыбнулся, но человек посчитал благоразумным не заметить новое оскорбление.

Дождь закончился. Перепрыгивая через лужи, Бомани

шагал по городу детства: в небе – пушпаки, множество экипажей, как электрических, так и движимых парой коней, заполняли проезжую часть. Торговцы, с головы до ног в темных одеждах, устроившись в тени жилых пирамид, зазывали прохожих и, конечно, женщины! Женщины страны Атлантов были восхитительны и тем более для Бомани, успевшего за три года изрядно позабыть цивилизованные места! В куполообразных юбках, украшенных по низу оборками, с узким, зашнуровающимся спереди лифом, с открытыми нескромному мужскому взгляду грудями, они словно магнитом притягивали взгляд ветерана, шагавшего позади то ли охраны, то ли почетного эскорта. Все вроде как раньше, но тренированный взгляд легко подмечал новые черточки, абсолютно невозможные три года тому назад. Во-первых, грязь. Раньше дворники-цахел буквально вылизывали каждый клочок Посейдониса, а теперь на улицах лежали листья, грязь и никому до этого не было дела. И еще на некоторых жилых пирамидах он заметил характерные серые проплешины – замазанные бетоном следы мощного оружия типа стационарных громовых копий. Сражение в столице Земли Атлантов? Немыслимо! На последней остановке в порту Бандари до пассажиров дошли смутные слухи о неких событиях на Родине. Но даже в страшном сне он не мог представить себе, что противоречия между потомками атлантов зашли так далеко! И самое главное, что с отцом? Такими вещами как воля Совета царей не шутят!

Знакомый до последней черточки отцовский дворец под крышей из орхилака, знак того, что здесь живет атлант, встретил небрежно замаскированными следами прогремевшего здесь сражения и пустотой. Ни один из стражников – истинных людей на воротах ему не знаком. Это плохой знак, но по-прежнему сведений о том, что произошло на Родине пока он отсутствовал, не хватало.

Коридор, эскалатор, поднявший на второй этаж, короткая анфилада изысканно оформленных покоев, и Бомани вошел в приемный зал, где прохаживались несколько истинных людей и полуатлантов; они посмотрели на него с какой-то странной улыбкой.

Эта улыбка показалась юному сотнику дурным предзнаменованием; однако запугать его было не так-то легко. Три года в постоянных стычках с дикарями закалили и научили не показывать врагу – а это были несомненно враги, то, что происходило в душе. С гордым видом прошел мимо, подбоченясь, остановился в выжидательной позе у стены.

Служитель зала, кстати абсолютно незнакомый Бомани, вернулся и знаком предложил следовать за ним. Молодому человеку показалось, что за спиной начали перешептываться.

Миновав коридор, Бомани прошел через большой зал, вошел в приемную. На низком ложе-полумесяце у торцевой стены, с двумя миниатюрными фонтанчиками по краям – их хрустальный перезвон был единственным звуком, нарушав-

шим тишину, лежал незнакомый атлант; рука машинально гладила по шерстке милого и обаятельного зверька, похожего на маленького медведя. Незадолго до того, как Бомани отплыл в заокеанские колонии, их начали ввозить с далекой планеты, открытой экспедицией атланта Зеверса. Атлант повернулся к посетителю, едва тот вошел в дверь.

Волна лихорадочного озноба пробежала по телу Бомани. Однако он не показал виду и, гордо выпрямившись, ждал пока новый хозяин дворца заговорит с ним.

– Итак, – сказал атлант, – вы Бомани, сын государственного преступника Гратиона?

– Я сын атланта Гратиона, ни про какого государственного преступника Гратиона мне неизвестно, благословенный богами Энкелаид, – ответил гордо Бомани – несмотря на почтение и даже страх, испытываемый им перед атлантом, по-другому он ответить не мог.

– Дерзок... – лениво, с легким оттенком раздражения, сказал атлант, – Ну что же, это мне нравится, я люблю дерзких смельчаков. Я наслышан о ваших подвигах на самом краю обитаемых земель.

Бомани решил, что пора и почтительно наклонил голову.

– Благословенный богами Энкелаид! Мне обещано человеком, представившемся начальником вашей стражи, что я смогу узнать у вас о причинах, по которым мой благословенный богами отец объявлен государственным преступником.

Атлант поморщился, словно проглотил незрелую вино-

градинку. С его ложа соскочил зверек, забавно шевеля крупными остроконечными ушами, обошел вокруг гостя и неторопливо вернулся назад. Все это время атлант молча наблюдал сузившимися глазами за Бомани.

– Итак вы просите открыть тебе причины, по которым Совет царей объявил Гратиона государственным преступником?

Бомани, с непроницаемым лицом – маской, на котором невозможно прочесть и тень эмоций, утвердительно наклонил голову.

– За попытка мятежа! Вы верно видели свежие разрушения на улицах? Это его последствия.

Бомани совершенно ошарашенными глазами глядел на собеседника. Чтобы отец, до мозга костей преданный стране Атлантов, восстал? Этого не могло быть, но и не верить он не мог. Атланты не врали никогда и никому – это было ниже их достоинства. Мир Бомани рухнул.

Немигающие глаза не отрывались от лица человека, казалось, они без труда могли прочесть самые затаенные мысли.

– Полно молодой человек, – рука хозяина дворца вновь начала ласкать любимца, – не все так плохо. Нарушил законы ваш отец, а вы герой пограничных сражений, дважды отмеченный за храбрость Советом царей. Это немало в столь юном возрасте.

– Бомани! – человек был так поражен услышанным, что атланту пришлось вновь окликнуть собеседника.

– Слушаю вас, благословенный богами, – разжал крепко стиснутые челюсти человек, – но ваше известие совершенно выбило меня из колеи. Прошу простить.

Атлант помолчал, как бы давая понять, что предложение будет выглядеть необычно:

– Вы храбры, Бомани, такие нужны мне, переходите ко мне в стражу. Я люблю сильных и удачливых воинов, – на лице атланта появилось благосклонное выражение.

– Благословенный богами, но зачем вам сын государственного преступника? Разве мало истинных людей и полуатлантов с безупречной родословной мечтают услужить вам?

– Мне нет дела до глупых условностей, – после некоторого молчания произнес атлант. В голосе прозвучали неожиданно мягкие, увещательные нотки, – Мы не выбираем родителей. Вы опасаетесь немилости из-за объявления вашего отца преступником, но есть ли в его деяниях ваша вина? Нет. И мне не в чем вас упрекнуть. Я наказываю тех, кто не повинуются, а вовсе не тех, кто, подобно вам, храбро сражаются и повинуются приказам вышестоящих. Вы, наоборот, заслужили похвалу! Итак, вы согласны?

– Вы так добры ко мне, благословенный богами, – покачал головой молодой человек, – но, я прошу дать мне время подумать. Еще вчера я был любимым сыном самого могущественного, после царей, атланта, а сейчас я сын преступника. Мне необходимо прийти в себя. Позволено мне будет подумать, прежде чем принять слишком щедрое для такого как

я, в один миг потерявшего все, предложение?

– Иными словами вы смеее отказываться? – в голосе атланта появились грозные нотки.

– Вы неправильно меня поняли, благословенный богами, – вскричал молодой человек, – Я всего лишь прошу дать мне время опомниться, найти мать и разузнать о судьбе отца. Молю вас понять меня правильно. И... быть может вам известно о их судьбе?

– Ну что же, каждый сам творец своей судьбы, но не затягивайте с ответом, боюсь, в этом случае мы можем не встретиться вообще. Что касается ваших родителей то их судьба тайна даже для Совет царей.

Слова атланта выражали страшное сомнение; они ужаснули больше, чем ужаснула бы прямая угроза, ибо это было предостережение.

Молодой человек открыл было рот для ответа, но надменный жест атланта дал понять, что аудиенция окончена.

Бомани вышел, но едва переступил порог, мужество чуть не покинуло его; еще немного, и он вернулся бы обратно. Он повернулся и посмотрел на закрывшуюся дверь и почти протянул руку, чтобы открыть ее, чтобы принять предложение благословенного богами и тут он почти увидел серьезное и печальное лицо отца. Он повернулся и торопливо пошел, почти побежал, провожаемый удивленными взглядами служителей, по залу на выход из дворца. Он должен разобраться, что произошло и, если это возможно, вернуть отцу доб-

рое имя.

Переночевать отправился в казармы гвардии, в которых провел три счастливых года до командировки на границу.

Жгучая обида и негодование мучили его: что же все-таки произошло и где родители, они погибли или скрываются, и как поступить с предложением могущественного управителя Посейдониса? А еще он чувствовал опасность, подстерегающую его. И связана она с некими событиями, которые Энкелаид назвал мятежом и судьбой родителей.

Принять предложение и продолжить привычную жизнь воина или попытаться что-то выяснить? Без всякой гарантии, что чего-нибудь узнает, а не бесполезно сломает себе шею? Сложность была в том, что не в его характере в трудные моменты прятаться в кусты. Если проблема выбора существует, то выбор должен быть определенным.

Несмотря на отчаянные мысли, усталость была так велика, что последовательно анализировать положение он просто не мог. Едва добравшись до лежака, почувствовал, как расслабляется перенапряженное тело, плавно соскользнул в сон.

Знакомцев среди гвардейцев оказалось едва ли четверть. Кто, как он, служил в окраинных гарнизонах, кто закончил службу, кто погиб, а иные исчезли самым таинственным образом.

Следующие три дня Бомани провел в непрерывных дружеских попойках. Вино лилось рекой. Повара готовили самые изысканные блюда, от которых брюхо отвыкло на даль-

них границах цивилизации атлантов и всегда с ним было не меньше двух бывших сослуживцев. Вначале он не обратил на это внимание, но потом, подумав, решил, что это предосторожность нового владыки Посейдониса, на случай если ветеран взбрыкнет.

На третий день кто-то из собутыльников предложил сходить на охоту на кювьерониуса (вымерший американский хоботной, родственник слонов, ростом до 2,7 м.). Охоту так охоту – Бомани согласился и тут же забыл об этом. Каково же было его удивление, когда на следующее утро его разбудили ни свет, ни заря. Пришлось приводить себя в порядок и собираться на эту чертову охоту.

Картина была потрясающей: глубокое синее небо, парящие над землей грифы, солнечный золотистый круг и впереди сплошным красно-коричневым валом, перегораживая южный горизонт, высились скалистые громады хребта. Здесь, на высоте двух соляров, воздух свеж и прохладнее, чем на берегу океана.

В белом комбинезоне, он упрямо носил его в знак скорби по родителям (белый в культуре атлантов – цвет скорби и печали) Бомани шел по звериной тропинке, ведущей по заросшему лесом и густым кустарником плато, что протянулось до подножия горных пиков. К хребту Энкелада, занимающего центральную часть острова трое охотников: Бомани и гвардейцы Тоон и Стертоп прилетели на пушпаке. Пилот остался ожидать в кабине, а собутыльники вооружились

обычными копьями, мечами из суперпрочных сплавов и переделались в доспехи. В горах встречались дикие цахел – потомки тех, кто не захотел жить в тепле казарм и сбежал от атлантов. Одно время собирались устроить на беглецов большую охоту и очистить дикие места острова, но после возоблагодало другое мнение. Ведь что может быть лучше охоты на диких цахел? Когда одна мысль, что ты охотишься и на тебя охотятся, будоражит кровь? С тех пор охота на цахел стала любимым хобби атлантов, полуатлантов и истинных людей. Вот только брать с собой громовое копьё считалась неспортивным. Достаточно и того, что охотник в доспехах, непробиваемых копьем с каменным наконечником.

– Так вот, друзья мои, иду я такой, – гвардеец оглянулся вокруг, словно пытался вспомнить места, – не здесь это было, но совсем рядом где-то. Заворачиваю за поворот и ну тебе – здрасте. Нос к носу сталкиваюсь с целым выводком диких цахел! Три самца и четыре самки с выводком! Нос к носу, представляете? Ну я не будь дурак, первого копьем в живот, второго отоварил древком по голове. А последний кинулся на меня. Пришлось бросить копьё и прирезать мечом. Самки заорали и бросились бежать, но разве от меня уйдешь? Самок я точно всех перерезал, кроме одной – беременной. Ее, как и положено по закону, связал. Наверное, уже и родила где-нибудь на ферме? Вот насчет мелочи не уверен, похоже несколькими удалось бежать! Кстати, вот за этим поворотом все это и было, – гвардеец ткнул левой рукой в ска-

ду, около которой тропа заворачивала в сторону. Правой он держал на плече древко средней длины копья, которое можно было использовать и как метательное.

Бомани не слушал его. На душе было муторно, наверное, из-за вчерашнего возлияния.

– Вот будет умора, если мы сейчас наткнемся на цахел? – произнес с смешком.

Все произошло, когда охотники завернули за очередной поворот горной тропы. В воздухе что-то с шуршанием промелькнуло. Миг и перед гвардейцами, идущими на пару шагов впереди Бомани замер полуголый человек гигантского, под три метра, роста, широкий в плечах и длиннорукый. Он действовал стремительно. Ладони обхватили затылки незадачливых охотников. Головы с ужасной силой и грохотом ударились друг об друга. Шлемы были непробиваемы для холодного оружия, зато их содержимое оказалось слишком хрупким. Гвардейцы рухнули на землю словно тряпки. С первого взгляда понятно, что они бесповоротно мертвы.

Гигант, на голове его сверкал обод из проволоки в виде короны, поднял глаза, взгляд уколол Бомани.

В нескольких лярах от себя полуатлант увидел исхудавшее, обветренное ветрами, но такое знакомое лицо.

– Благословенный богами Гратион. Отец, – он рухнул на колени и опустил голову, – я бесконечно рад встрече и тому, что ты жив!

Гратион порывисто шагнул вперед, могучие руки упали

на плечи сына, подняли и прижали к груди.

– Сын, Бомани! – сын едва доходил родителю до половины груди, но это и неважно. С минуту атлант разглядывал его, левое веко у него чуть заметно дергалось, потом Гратион отстранился и произнес глухо:

– Я ждал тебя, сын мой, ждал долго и почти потерял надежду увидеть, об этих двоих, – он кивнул на мертвых гвардейцев, – не сожалею, это соглядатаи, посланные врагами – поймать меня или хотя бы убить.

– Но почему тебя преследуют, отец? И где матушка? Что с ней?

– Мужайся сын, ее убили, а я... я не смог защитить ее. Я сам едва спасся.

Атлант молчал. Бомани был бледен, на лбу выступил пот. Он был воином и слез не показал никому, только что-то прошептал. "Матушка... – разобрал Гратион, – прости своего непутевого сына..." Отец скорбно смотрел на его хрящеватый нос, на покрытые тенью глаза, на исхудавшее лицо. Несмотря на все подтвержденное подвигами и годами мужество, лицо, скорее, напоминало маску скорби.

Наконец, вытерев испарину дрожащей рукой, Бомани, с растеряно-бледным лицом, пробормотал:

– Отец, как это произошло? Что вообще здесь происходило пока я защищал страну Атлантов на далеком Востоке? Мне там, – он повернулся в сторону Посейдониса, – многое наплели, но я не верю этому и на муравьиное крылышко!

(идиома, аналогичная русскому "и на йоту").

– Она погибла, страшно погибла, – атлант помрачнел и отвернулся, через несколько мгновений посмотрел в осунувшееся лицо сына, – Я любил ее.

– Я знаю отца. Но кто? Кто ее убил? Я должен знать, как зовут этого мерзавца! – крикнул Бомани звенящим от ярости голосом.

Еще мгновение тому назад скорбящее лицо Гратиона изменилось. Морщина на переносице разгладилась, губы отвердели. Взгляд уже не казался взглядом страдающего человека, что сетует на судьбу, – стал острым и цепким. Теперь перед Бомани не муж, скорбящий о погибшей возлюбленной, но управитель Посейдониса, атлант, почти равный любому из Совета царей.

Отец снял с головы обод, который Бомани вначале принял за украшение и, протянул сыну.

– Одень это!

Сын подчинился. Обод мягко сжался вокруг головы.

– Смотри, – внезапно воскликнул атлант.

Горы, да и сам мир в единый миг исчезли, словно повернули выключатель. Перед Бомани предстал Посейдонис. Обожженный, с зияющими пробоинами в жилых пирамидах и мостовых. Рушились стены, раздвигались в безмолвном крике рты раненых, корчились в пламени пожаров детские фигурки. Шипение разрядов громовых копий сливалось с яростными криками в ужасную какофонию. На пылающих

улицах сражались оборванные, окровавленные люди, атланты, цахел.

На стены дворца Совета царей лезли тысячи обезумевших от ярости боя, скрещивались мечи, летели во все стороны разряды громовых копий, с глухим треском лопались головы, потоками хлестала кровь. Бой продолжался и в воздухе, десятки пушпаков нанизывали друг друга на электрические разряды и рушились на каменную мостовую. И всюду посреди обороняющихся были инопланетные звери, похожие на маленьких медведей, вывезенные атлантами с далекой планеты.

Изображение остановилось. Голос за кадром, сухой, механический, произнес:

– Это не звери. Это разумные существа и телепаты способные влиять на живые существа и покорять себе, они называют себя магоно эо. Их влиянию поддается девять из десяти атлантов, половина полукровок, каждый второй человек и каждый десятый цахел. Часть разумных, попавших под их власть, требуют от "хозяина" постоянного контроля, а часть становится "зомби". Несмотря на физиологические различия они причисляют себя к магоно эо. "Зомби" отличаются от людей и атлантов на генетическом уровне, имеют повышенный болевой порог и способны мгновенно перемещаться на расстояние до 2 м.

– Смотри, – услышал Бомани крик, откуда-то из неведомой дали.

Он увидел массивную фигуру отца, бегущего во главе бунтовщиков на штурм. Они влезли на стены и тут в спину им ударили свежие отряды, ведомые зомбированными атлантами. Это был разгром.

– Нас было мало, слишком мало, мы проиграли. Они думают, что победили и скоро завладеют этим миром, но это им не удастся, клянусь всеми богами!

– Смотри как магоно эо поступили с нами и нашими семьями!

Бомани очутился посреди похожего на сарай для цахел здания, десятки все еще живых, окровавленных людей, полуатлантов и цахел, висели, насаженные на ржавые крюки, прикрепленные толстой цепи, тянувшейся по потолку.

– Сынок, – услышал хриплый женский голос.

Это была мать, окровавленная, истерзанная, но все еще живая.

Бомани рванулся, помочь, спасти, но не смог сделать и шага.

А пока он безуспешно рвался, появились цахел с огромными топорами в руках и начали разделывать еще живые тела, словно на бойне.

– Смотри! Мы для них всего лишь пища, такая же как любое животное.

Видения прекратились, картинка распалась яркой вспышкой.

Бомани невольно зажмурился, рухнул на колени, словно

от удара. Он открыл глаза, перед ним стоял отец и вокруг была реальность. Из-под ресниц атланта медленно выползли две большие слезы, пробороздили морщинистые щеки.

Страшная боль острой иглой пронзила сердце юноши. Как профессиональный воин, он знал, что с ним может случиться всякое, и в душе был готов принять даже самую лютую смерть, но смерть матери, которую, он любил больше всех в жизни, принять не мог. Он был не просто в отчаянии, а в бешенстве от невыносимого горя. Вдруг стало все равно: умрет ли он сейчас или проживет долгую и счастливую жизнь – мать мученически погибла, а он, ее сын и воин, не смог предотвратить это злодеяние.

– Сын мой, – произнес атлант новым, негромким и сочувственным голосом, поднимая Бомани с колен, – беда пришла откуда мы не ждали. Игрушки, забавные зверьки, вывезенной с проклятых звезд, завоевывают и уничтожают нас. А точнее уже завоевали: атланты им покорились, а те, кто восстал, истреблены. Страна Атлантов обречена. Так пусть выживут хотя бы люди и полуатланты.

– Что же делать, отец? – вскричал Бомани и с надеждой посмотрел на отца, – Научи, как мне отомстить за мать, за тебя, за всю страну Атлантов?

– Садись, – атлант присел на землю и хлопнул ладонью по каменной глыбе рядом, – Только признав, кто мы есть – получим, чего хотим. Слушай как мы поступим...

Сквозь смотровую щель в стене виднелся небольшой участок церемониального зала, отделанного драгоценным кедром, во дворце Совета царей и доносился едва различимый шум голосов. На черных, ярко в солнечных лучах тронах, у стен сидели девять царей, рядом, у столиков ожидали писцы. А посредине непонятно зачем здесь сооруженный металлический столб, непристойной формы. Вершину его украшали девять кругов из холодного пепельного цвета камня.

Гратион – ткнул мечом, метательное оружие он недолюбливал, больше надеясь на мощь рук и сноровку в ближнем бою, – влево. Потом указал на сына и показал направо. Бомани кивнул. Все понятно. Отец возьмет на себя тех, кто слева, а он тех, кто справа.

Открывшаяся в стене дверь стала для атлантов, их слуг и магоно эо полной неожиданностью и пока они очухались, отец и сын славно повеселились.

Гратион с размаху вонзил меч в грудь ближайшего атланта в красных одеждах царя, провернул, выдернул окровавленный клинок и воткнул в грудь другого.

Бомани выпустил все заряды громового копья с такой бешеной скоростью, что не успел и глазом моргнуть, как уже нащупывал сменную батарею. Не было времени даже проследить, куда летят разряды и попадают ли в цель. Едва воткнул новую батарею в копьё и, подняв взгляд, увидел, как сверкая полированной сталью в свете искусно замаскированных в крыше окон, летит в лоб боевой топор.

Почти инстинктивно согнул ноги.

Топор пролетел так близко, что он услышал свист рассеяемого воздуха и увидел отчеканенный на стали знак страны Атлантов: трезубец. Убийственное лезвие пролетело на расстоянии ладони от макушки и вошло в кедровую стену почти на ладонь.

Через миг Бомани увидел бледное лицо полуатланта в хитоне секретаря, метнувшего топор и тут же толпа убегающих людей скрыла его.

Отец, словно безумный, с криком врубился в горстку кричащих жрецов и секретарей и расправился с тремя так быстро, что глаз едва успел уловить.

С диким визгом магоно эо прыгнул с пола, на манер дикого кота, в лицо. Отец встретил его ударом щита. Тело магоно эо перелетело зал, врезалось в стену, окровавленное, сломанное, тряпкой рухнуло на пол.

Зомбированные магоно эо люди и атланты жертвовали собой с ошеломительной отвагой. Двое юношей с еще не пробившейся бородой: полуатлант и истинный человек, разом рванули толстый ковер на полу. Подняв его как щит, бросились на Бомани.

Извилистые разряды громового копья поразили обоих. Они рухнули на окровавленный пол.

Отец вонзил меч в грудь очередного царя, когда один из телохранителей ударил кривым мечом ему по запястью, перерубив руку с мечом. Какой-то миг Гратион не понимал,

что произошло.

На щит обрушился тяжелый удар меча, и отец упал на колени.

Разряд громового копья Бомани опоздал на какой-то миг. Меч телохранителя вонзился в грудь отца.

Рык, подобный вою раненого зверя, Бомани, слился с шипением громового копья и всхлипом очередного врага, рущащегося на пол.

Схватка длилась еще несколько мгновений и, внезапно, оказалось не в кого стрелять. На полу лежали окровавленные тела, недвижимые и еще шевелящиеся.

– Отец, – Бомани бросился перед родителем на колени. На его груди вокруг вонзившегося в грудь металла расплывалось мокро-алое пятно. На мелового цвета лице страшно закатились глаза, – Отец, как я могу тебе помочь?

– Мне уже не поможешь, сын... – на губах пузырилась розовая пена, они хватали воздух, а легкие задыхались: воздух шел через рот и рану. Бомани с содроганием понял, это агония, – доделай дело, ты помнишь, я...

Он не договорил. По телу пробежала крупная, судорожная дрожь, лицо осунулось, огрубело; неподвижные глаза уставились в потолок.

Бомани минуту смотрел на заострившийся нос, ловил неподвижный взгляд.

– Я выполню свой долг отец.

Судорожный вздох вырвался из груди.

Он поднялся и, круто повернувшись, двинулся неестественно прямо, не шевеля прижатыми к бедрам руками. Черты лица дрожали словно ему смертельно хотелось разрыдаться, только он забыл, как это делать. Плыли, сдерживая бушующую внутри бурю эмоций.

Спустя несколько минут все девять корон, украшавших при жизни головы царей, лежали на положенных местах в кругах на вершине столба в центре зала.

Несколько секунд ничего не происходило и сердце ледяной рукой схватила тревога. Неужели старинный механизм вышел из строя? Неужели смерть отца напрасна?

Он вдруг ощутил легкую дрожь. Дрожь мелкую, едва уловимую, возникшую где-то вдали, но от которой внезапно и остро заныли зубы. Бомани поднял взгляд на столб, но не успел ничего ни увидеть, ни оценить. Потому что внезапно он рухнул вниз.

Давно ушедшие из жизни первые переселенцы с планеты Эсмиель на Землю изготовили смертоносное изделие надежно. Оно пережило их и прождало века пока дальний потомок не привел его в действие.

Бомани подошел к отцу, снял с его головы проволочный обод, открывший глаза на происходившие в стране Атлантов события. Сгорбившись, словно на плечи давила невидимая гора, подошел к двери, из которой они с отцом проникли в церемониальный зал. Повернулся, взгляд устремился на окровавленное тело отца. Лицо отвердело, утвердилось в но-

вой ипостаси. Он вышел в двери.

Гроном грянул в задних рядах толпы, собравшийся вокруг Бомани, смех. Вскоре он стал всеобщим.

– Погоди!

– О-хо-ха-ха-ха!..

– Страна Атлантов провалится в море!.. Ой умора!

– Гы-гы-гы-ы-ы!..

– Чего стоишь, кобель лысый? Видишь не в себе он. Хватай мешок и пошли домой!

– Провалится! Гык-гык-гы-ы-ык!..

Бомани замер посреди улицы, бессильно опустив руки, хмурясь, перебежал глазами с одного на другого. А толпа, вокруг распадалась, разъедалась, словно сахар под напором воды,

Внезапно взгляд зацепился за огромные сухие глаза на бледном девичьем лице, показавшемся ему почему-то знакомым, которые не отрываясь смотрели на него. Заметив направленный на нее взгляд Бомани, девушка прошла через почти распавшуюся толпу к полуатланту и поклонилась.

– Господин, вы помните меня, я Зерин, господин как-то почтил меня своим вниманием, – девушка была из истинных людей. Прекрасное, обрамленное водопадом темных локонов лицо. Кожа слегка загорелая, ямочки на щеках, нежная стройная шея, пухлые губы и зеленые как трава глаза.

– Я не был в Стране Атлантов несколько лет, и ты меня все

еще помнишь? – ему показалось, что он вспомнил ее, одну из десятков, гревших когда-то ему постель.

– Как можно забыть такого доброго и красивого господина, как вы, все эти годы вы были здесь! – девушка прикоснулась пальчиком к скрытой под бесформенной накидкой груди.

– Хоть ты, веришь мне? – с нескрываемой горечью произнес Бомани.

– Как может слабая и глупая женщина не верить вам? Я верю вам и, вверяю свою жизнь, – девушка протянула сложенные ладони юноше в ритуальном жесте подчинения.

Бомани схватил ее за руку и потащил вниз по улице, мимо дворца правителя Посейдониса, до боли знакомого со времен юности и детства, после налево, по длинной и узкой улочке, похожей на кишку, зажатой между жилыми пирамидами. И все вниз и вниз, к порту!

Свежий соленый ветер, пропитанный запахом гниющих водорослей, уже коснулся разгоряченных лиц беглецов, когда в затылок пахнуло жаром. Бомани повернулся. В лярах тридцати позади на мостовой стремительно проступило красное пятно. "Неужели не успел?" Обдало сухим жаром.

– Бежим, – отчаянно крикнул, и побежал, увлекая случайную подругу с собой.

Раскаленная порода пятна обвалилась, из ямы полетели раскаленные камни словно выброшенные адской катапульти. "Кажется это называется вулканические бомбы!" – со-

вершенно некстати подумал мужчина, изо всех сил увлекая подругу вперед. "Не ошибся отец, а вот нам кажется конец!" Вокруг царил хаос: люди, с дикими криками, которые заглушал рев новорожденного вулкана, бежали куда глаза глядят; воздух, наполненный запахами серы и дыма, прорезали вулканические бомбы, некоторые размером с колесницу, в десятках мест разгорались пожары, а позади рос конус вулкана, подталкивая беглецов в спину сухим жаром.

И тут ни с того ни с сего обрушился дождь.

Хотя нет, назвать это "дождем", неправильно. Это походило на океан, который осторожно подкрался к острову атлантов и внезапно обрушился на головы разумных под невыносимым давлением. Вы скажете "лило как из ведра". Я скажу "лило, как будто над головой раскрылся портал в глубины океана!" Последние несколько ляргов беглецы преодолели согнувшись пополам, под адский грохот взрывающихся от соприкосновения с водой вулканических бомб, почти ничего не видя. Если бы не помощь юноши, Зерин смыло бы.

Протянутая вперед рука Бомани нащупала дверь, он рванул ее и втянул за собой девушку. Дверь бесшумно закрылась. Беглецы оказались в кабине электрической колесницы. Эти последние несколько ляргов дались им не легче, чем воину выстоять целый день на поле боя.

Кое-как Бомани завел экипаж, на полной скорости экипаж помчался в порт.

Прошло десять дней. Беглецы из гибнущей страны Ат-

лантов построили хижину далеко в горах, где по расчетам Бомани вода не должна была достать. Им было хорошо вдвоем. Никогда еще он так истово не любил, никогда еще женщина с такой страстью не отдавала себя. За дни после бегства мужчина понял, что Зерин это его судьба и, если им суждено выжить, то в мире после атлантов он не найдет подруги лучше. Выживут они, погибнут? Они не знали, но эти дни их и только их!

Ранним утром он проснулся и вышел на площадку перед хижинкой и замер, глядя вниз. Солнце еще не встало, но уже достаточно рассвело. Стали видны альпийские луга на фоне нависших черных туч, серый, липкий туман, поднимающийся над оловянной гладью горной речушки, седую от водяной пыли траву.

Тишина, недобрая, напряженная.словно сама природа застыла, напряглась перед тем, что ей предстоит испытать. Если отец не ошибся, все должно случиться сейчас. Он услышал позади шуршание, не оборачиваясь, понял, что это Зерин.

– Ты говорил, что все должно начаться сегодня? – теплое женское дыхание защекотало ухо.

– Да, – слова падали в тишине подобно каменным глыбам, – если отец не ошибся. Мы скоро узнаем это.

Все произошло совершенно неожиданно. Вначале на горизонте появилась узкая, толщиной с нить синяя полоска и пришел низкий, вибрирующий гул. Такой, наверное, мог-

ли издавать в неистовом гневе на людской род боги Преисподней. Полоса стремительно росла ввысь и приближалась, вздымаясь в небо, выше самой высокой пирамиды, созданной человеком или атлантом.

Бомани повернулся, обхватив подругу за талию привлек к себе. Огромными сухими глазами женщина смотрела на с каждым мгновением приближающуюся смерть.

Мужчина запел негромко;

Струна запела под рукой,

О Посейдонис, мой Посейдонис

Прощай отец, прощай и мать!

Другая вторит ей струна,

О Посейдонис, мой Посейдонис

Прощай любимая и друг,

Выживу я иль погибну – это неважно отныне!

Гигантская волна, высотой больше километра, ударила в побережье острова, круша и сметая на пути все. Суша вздрогнула, прогнулась от неистового удара миллионов тонн воды. Разлетались, словно спички, леса, миг и побережье скрылось под водой. Небольшой городок – колонию атлантов, смыло в мгновение ока.

Круша и сметая все на пути и, лишь немного уменьшив высоту, цунами с огромной скоростью ворвались внутрь острова, помчалась ввысь по горному склону к застывшим от ужаса людям...

Масштаб постигшей планету катастрофы возможно по-

нять, только наблюдая с орбиты.

В стране Атлантов проснулось множество вулканов, в ключья разорвав каменный панцирь Земли языками пламени и магмы, остров затрясся в пароксизме безостановочных землетрясений. Рушились, словно картонные, разлетаясь осколками камней и дерева стены, тысячи людей и атлантов погибли от пожаров и задохнулись в дыму и ядовитых газах.

Казавшаяся нерушимой земная твердь начала стремительно опускаться, прибрежную часть страны, включая Посейдонис, затопило. Океан хлынул в проснувшиеся вулканы. Вода соприкоснулась с кипящей магмой, и грянул взрыв, какого еще не знала мир. Планета пошатнулась. Океан породил воронку, обнажая дно, затем эта воронка взорвалась водяным вихрем, поглотившим небо.

Колоссальной высоты волна, какой еще не видела Земля, доставшая, казалось, до облаков, обрушилась на континенты, сметая леса и горы, уничтожая корабли и цветущие прибрежные города. Они пропали, не оставив даже следа, даже воспоминания. Волна цунами трижды обогнула планету, разрушив все, до чего только дотянулась.

Прошло четыре дня.

Двое на вершине горы – Бомани и его подруга, глядели на побережье, заваленное месивом из камней, бревен и миллионов трупов животных и людей. Горизонт черен, вдалеке небо с грохотом стегало молниями море.

Весь этот апокалипсический вид внизу, грохотание грозы, боль в сбитых ногах – вызвали в девушке такое острое и щемящее чувство потерянности, жалости к самой себе, что она едва не разрыдалась.

– Ты... если бы не ты, я бы погибла... – девушка подошла к мужчине и склонила голову ему на плечо.

Бомани, не глядя, обнял девушку за талию.

К прежней жизни возврата нет, неожиданно понял он и даже замер, пораженный ясностью и обжигающей правдой этой мысли. Но они выжили и это главное. И неважно, что море поглотило их хижину с припасами и инструментам, а им пришлось убегать от наступающих волн. Главное – они выжили.

И тучи, вдруг расступились, давая путь солнечным лучам, осветившим мужчину и женщину на вершине горы.

Бесплотный голос искусственного интеллекта номер 228/15 прошелестел:

– На планете уцелели только горстки людей. На восточном континенте горные племена диких цахел, несколько тысяч людей – кроманьонцев и горстка полуатлантов. Из атлантов не уцелел никто, но и паразиты – магоно эо, не выжили. Род человеческий понес катастрофические утраты и был отброшен на долгие тысячелетия в дикость, но избежал участи домашних животных.